

НОРА

ОЛЬВИЧ

Перелётная птица

**СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ**

18+

Нора Ольвич
Перелётная Птица

«Автор»

2026

Ольвич Н.

Перелётная Птица / Н. Ольвич — «Автор», 2026

Сказать НЕТ обстоятельствам и расторгнуть условности, имя которым - "СВАДЬБА". Перед главным событием в жизни вдруг понять, что совсем заигрались в любовь, обманывая себя и всех вокруг. Это как очнуться от сладкого сна, когда ещё на улице ночь. В голове мелькают кадры: - встречи, школьные годы, отношения, - которые казались такими искренними. Но теперь, когда до торжества остались считанные дни, сердце начинает сомневаться. Неужели всё это было лишь игрой, красивой и талантливой, в которую так хотелось верить? Побег от самой себя. Чем он закончится для главной героини? Роман обещает стать захватывающим путешествием по времени и эмоциям, где любовь — это не просто чувство, а путь к самопознанию. Хватит ли любви главной героини на двоих ? Или она встретит в далёком прошлом того, кто сможет открыть для неё своё сердце?

© Ольвич Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ЧАСТЬ 1. ПРОЛОГ.	5
Глава I.	11
Глава 2	16
Глава 3	23
Глава 4	30
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Нора Ольвич

Перелётная Птица

ЧАСТЬ 1. ПРОЛОГ.

— Женька, выходи за меня.

Это было не совсем то, о чём я мечтала всегда. Голос Игоря звучал совсем по-другому, непривычно: — потерянно и отрешённо.

Мужчина, сидящий передо мной, принимая решение, вероятно считал, что так будет лучше для него самого. И мне показалось, что, утонув в своих переживаниях, он совсем не ждал от собеседницы ответа.

Он словно пытался восполнить потерю, вспоминая тот факт, что мы знали друг друга ещё со второго класса. Что дрались на переменах в начальной школе, гоняли по коридорам, пол которого был покрыт старым паркетом, и списывали вместе задания на экзаменах в девятом классе со шпор, которые я готовила заранее.

Я как-то разбила о его голову длинный градусник для замера температуры воды на уроке химии, мы потом долго не разговаривали друг с другом, мирились, отводя виновато глаза. Но родителей наших вызвали всё равно в школу. И мы с Игорем подпирали стены спинами в длинном коридоре у кабинета директора, ожидая, когда наши совсем ещё молодые предки получат порцию вливаний и поучений о том, как нужно воспитывать детей.

Наш класс какой-то странной энергией интересов был поделён на группы, которые образовались сами по себе. Тусили. Так, сейчас говорят. Ходили в пиццерию пить кока-колу, общались группами на субботниках во дворе, дружили и, конечно же, влюблялись.

Игорь в Дашу.

Я в него.

В меня Антон,

который сейчас, находясь в рейсе, финансово обеспечивает семейство, состоящее из двух сыновей-близнецов и жены. С его Катей мы работаем вместе, и она на год младше всех нас.

Память услужливо листала калейдоскоп прожитых двадцати пяти лет.

Институт и отделение спортфака подготовили меня к работе с детьми на льду. Эта самая работа отнимала всё свободное время. Тренировки и педсоветы, планёрки и соревнования. Перелёты в другие города и ответственность за детей, которые совершенно уже не по-детски смотря выступления соперников, подсчитывали баллы в голове за каждый удачно выполненный элемент.

И вот недавно пришло осознание, того, что пора.

«- Моя Женя? Конечно, она в отношениях, молодёжь сейчас не торопится, знаете ли».

Этот разговор мамы с соседкой полоснул по сознанию истиной, что с противоположным полом нет у меня романтики.

Дружба –да.

Женька- она «свой парень в доску».

Но отношения...

Я всегда считала, что романтика — это не про меня. Не потому, что я её не хочу, а потому, что она казалась чем-то далёким и недостижимым. Как будто я, стоя за стеклом, наблюдаю за чужими историями, сама всегда остаюсь в стороне. Возможно, я просто не умею быть той, кого можно полюбить как девушку.

А, возможно, просто потому, что уже люблю.

Давно.

И в глубине души теплится надежда. Может, всё ещё впереди? Может, однажды я встречу того, кто разобьёт это стекло и покажет, что отношения, когда любят двое, а не один безответно — это не миф, а реальность, которая ждёт своего часа.

Я перестала носить джинсы и толстовки, стараясь выглядеть более женственно, отрастила волосы ниже плеч, завела, как красивого котёнка, сапожки на каблучках.

И всё равно оставалась только другом для Него. Даже на вечере встреч.

И вот сегодня...

Это было не предложение руки и сердца, а скорее придуманный кем-то ритуал, который нужно было выполнить, чтобы не остаться одному.

Потому что одному сейчас было очень больно.

Потому что умирала надежда. И с этим нужно было жить.

Игорь сидел, сложив руки на стол и смотрел мне в глаза.

Он вспоминал с грустью о былом.

А я отчётливо понимала: это не тот момент, о котором я мечтала всю жизнь. В моей голове мелькали картинки идеального сценария — романтический ужин при свечах, его уверенный взгляд и слова, которые заставили бы сердце биться в волнении.

Но сейчас, передо мной сидел Игорь совсем не тот, которого я знала. С застывшей улыбкой и неуверенностью в голосе, он как будто вытащил запасную фразу из какого-то завалявшегося списка.

Я не знала, что сказать. За столиком в кафе повисло тягостное молчание. Не знала оттого, что догадывалась о причине.

Наша Даша выходила замуж.

По слухам, которые моя маменька очень плавно переносила в наш с отцом быт: — подруга, окончив институт в Китае давно уже уехала в Москву.

Занимая должность экономиста, владеющего двумя языками в представительстве китайской фирмы, она весьма удачно сняла квартиру и сейчас собирается замуж за владельца этой самой квартиры.

Банально?

Увы.

Я видела, как рука Игоря легла на карман толстовки болотного цвета, и, возможно, этот жест должен был ободрить нас обоих, но вместо этого он только усилил напряжение.

Ожидая того, как, он достанет заветную коробочку с кольцом, понимала, что решение с каждой секундой становилось все более сложным.

Нужна ли мне эта неопределенность? Этот вопрос, на который даже мой жених, похоже, не знал ответа повис в воздухе.

Неопределённость мне была не нужна, но сам Игорь...

Он нужен мне был всегда.

Меня тянуло к нему с самого детства. Войдя во второй «Б» класс новенькой девочкой, я сразу выбрала место рядом с ним.

Сейчас, смотря на нас будто со стороны, не веря, что это происходит именно со мной, застенчиво приняла предложение.

Колечко было большего размера.

Ошибся.

Но мы ведь совсем недавно стали встречаться. После того вечера, когда собрались все выпускники нашей средней школы в актовом зале.

Примеряя тоненький ободок из белого золота на безымянный палец, рассматривая сияющий высоко сидящий в крапанах минерал, я вдруг отчётливо уловила, как всё в Игоре противится происходящему. На самую секундочку я поняла, что в самый последний момент он понадеялся на то, что я откажусь.

«- моей терпеливой любви хватит на нас обоих».

«- мне кажется, эту фразу в каком-то кино уже говорили».

«- камешек символичный в кольце, как осколок льда, которого в моей жизни слишком много».

Под тихую музыку в зале положила колечко обратно в коробочку.

— Не готова сейчас надеть. Извини. Оно примерно на полтора размера больше. Боюсь потерять. Я согласна, Игорь. Правда.

Не надеясь получить заверения в искренней любви, улыбнулась растерянной улыбкой, будто признавая своё поражение.

С блондинистой красавицей Дашей мне сложно было ровняться.

— Только с регистрацией давай отложим на лето. На работе загруженность большая, мне девочек к соревнованиям надо готовить. Директору и спортивкому нужны показатели. Как отстоим краевые соревнования, так и заявление подать можно.

Его пальцы слегка сжали мою ладонь, словно боясь отпустить. В этом жесте было столько неуверенности и доверия, что сердце замерло. Он смотрел на меня, и в его взгляде читалась недосказанность, словно он пытался передать то, что не решался произнести вслух.

Даша была его выбором тогда, в школьные годы, но в этот момент казалось, что он ищет во мне — что-то, что давно потерял или, может быть, так и не нашёл.

Мы так и сидели, время остановилось, и мир вокруг перестал существовать. Звучал гул голосов, люди отдыхали в свой законный выходной вечер. Невидимая ниточка, связывающая нас, натянулась до предела.

Он отпустил мою руку, но связь не исчезала.

— Жень, ты переедешь ко мне?

— А мы не торопимся, Игорь? Если ты желаешь, то я, конечно же, рискну. Через неделю или две. Хорошо?

Ему стало совсем спокойно. Я не гнала лошадей, ничего не требовала, давая ему привыкнуть к роли жениха.

Его воспоминания и боль потери отступили.

Позже он довезёт меня до родительского дома и останется один. В пустой квартире. Один на один со своими мыслями.

С которыми должен справиться только сам.

Ощущала ли я себя невестой?

Благодаря строгому директору Борису Константиновичу, методисту Инне Александровне и девчонкам-тренерам на работе, могу с уверенностью заявить, что «да».

Всё было на контрасте. Наверное, как всегда в спорте. Постановки отчётного концерта на льду и личный зачёт каждого спортсмена, отчёты и строгий контроль. А ещё ожидание чего-то прекрасного.

- Это тот смуглый, что приезжал за тобой на новеньком *pruise*? Он что не русский?

— Михайловой по фамилии буду. Русский, какое это имеет значение?

— Михайловой? Графией, что ли?

Алинка засмеялась, Катюша тряхнула чёлкой и убежала в тренажёрный зал. Её подгруппа закончила с разминкой. В коридоре стоял размеренный гул.

— Алина Игоревна, ваши шуточки...

— Читала вроде бы о такой. Дружил этот род с государыней Екатериной. Доклад с дочерью готовили для урока истории. Он смуглый, а глаза?

— Серые.

Она задумчиво смотрела в компьютер.

— Серые... Что ты скажешь о программе для краевых соревнований Таи Игнатъевой? Девочка идёт на первый юношеский, о ней всегда спрашивает директор на планёрке.

— Тая, она сильная, подающая надежды. Очень выдержанная, может это и мешает ей раскрыться. Такая и на Россию поехать может. Но, мне кажется, у неё страх появился. Знаете, она заходит на прыжок и будто сомневаясь, оглядывается, ища глазами поддержку. Это одно мгновение, но оно приметно для судей.

— Все мы боялись в своё время. Уверенности придают умения, тренировки и правильный расчёт. А ещё поддержка близких. Её мамочка сама тихая и словно не из этого мира. Мне кажется, музыку в программе менять нужно, и ты, Жень, как хореограф поговори с девочкой. Ты умеешь, если веришь в человека. Умеешь внушить свою значимость. Спроси, какая ей самой, музыкальная композиция нравится. Ей, а не её маме. Знаешь, повезло твоему Игорю с тобой. Он всегда будет ощущать себя мужиком возле такой, как ты. Интеллигентность у тебя в крови. Интеллигентность и умение возвысить человека одним только взглядом.

— Он знает меня другой. Драчливой и шумной. Мы в одном классе с ним учились.

Алина Игоревна, воспитывавшая дочь и мужа ежедневно, ежечасно и ежеминутно, замерла.

— Школьная любовь- ты меня удивила. Выйти замуж за одноклассника — это глупость, которую ещё нужно уметь устроить. Сколько лет прошло после окончания школы? Он что всё это время ждал, когда ты созреешь?

«- ждал, но не меня».

- Можно и, так сказать.

- Ну, ну. Посмотрим. Замуж, знаешь ли *«выйти не напасть, вот как бы замужем да не пропасть»*. Так, ещё моя бабушка говорила. Она в этом вопросе была профи, так как имела четыре законных брака и дружила со всеми своими бывшими и их новыми спутницами жизни. Игорь, а он чем занимается?

— На спортфак — это я за ним увязалась после школы. Краевая федерация по ушу — это его организация.

— Вот как? Спортивная семья значит?

Она аккуратно, привычным движением натянула очки на макушку головы. Взъерошились тёмные жёсткие волосы. Я знала, что она сейчас позовёт меня принимать белок и калории, то есть обедать в маленькое кафе, расположившееся неподалёку от нашего муниципального учреждения, носившего гордое название Ледовая Арена.

Дни спешили один за другим. Долгожданная весна вступала в свои права. И я, разумеется, как и обещала — собиралась переехать в квартиру к своему жениху.

Это будет время больших перемен; первое утро, когда я проснусь под тихий звук дождя за окном, напомнит мне о том, как важно находиться рядом с тем, кого любишь.

Я это пыталась делать всегда. Считая, что этот момент важен для него и прежде всего для меня. Я словно настраивалась на его биоритмы. Настраивалась, желая, чтобы он попробовал полюбить другую.

Не ту, на которой сошёл клином весь его мир.

Другую.

Я будто пыталась влиять на его выбор.

Светлые стены большой квартиры, доставшейся ему от бабушки, новые запахи и шуршание листьев за окном — атмосфера надежды и тепла.

Мы с ним вместе будем готовить обед, распаковывать коробки и создавать наш маленький мир.

Весна ярко цвела вокруг, и я мечтала о том, как мы будем гулять по аллее с цветущими деревьями. Это обязательно будет вишня в городском парке.

«- вишнёвый сад, это уникально – весной в цвету, а в жару вся в ярких плодах».

Но мама, руша все мои мечты, не приняла идею с переездом.

— Женя, не по-людски это. Успеете ещё, наживётесь. Невесту он должен в день свадьбы забрать из родительской квартиры. Отец против. Учти.

Это был довод, против которого я не могла пойти. Отец, бывший проректор сельхоз академии — это авторитет. Его слово — закон для меня. У него другое видение всей этой ситуации. И я сразу же сдаюсь. Наверное, ещё и потому, что не представляю нашу близость с Игорем.

Любить, люблю.

Он моя мечта.

А всё другое для меня в сознании было скрыто совсем непонятным мороком. Нарисованная романтика отступала перед осознанием того, что происходит между парами, когда они решают пожить вместе.

— Ты, конечно, уже взрослая и можешь сама принимать решения. Но вы с Игорем и Дашей росли в соседних дворах. Нам ни к чему разговоры соседей. Счастье, оно, знаешь ли должно быть выстраданным. Так, просто достаться молодому человеку — это совсем неправильно. Понимаю, что не современно. Но неправильно.

Всё.

Разговор закончен.

В конце мая мы подали заявление в ЗАГС, и я всё твердила мысленно, что это не со мной происходит.

Кажется, будто я наблюдаю за чужой жизнью, за чьей-то историей, которая разворачивается на экране планшета, на который я снимаю тренировки своих учениц.

В том кабинете, при заполнении бумаг, я ловила себя на мысли, что всё это слишком реально, чтобы быть правдой. Даже кольцо на пальце кажется чужим, будто я его одолжила у подруги.

Одолжила у Даши на время!

Кольцо и жениха!

И только безумная, практически материнская нежность к Игорю не даёт возможности соскочить в бездну. А ещё обязательства, возникшие после совсем другого, нежели раньше «знакомства» с его родителями.

И я вижу, как они живут, а главное, какими интересами. Могу судить по книгам в шкафу и по сервизу из тонкого фарфора белого цвета.

Внимание привлекает портрет в комнате, где обычно принимают в нашей стране гостей.

Игорь отдалённо похож на этого мужчину. Возможно мне это только кажется, возможно краски, потеряв свою яркость, сделали лицо незнакомца смуглым.

Картин, в квартире с высокими потолками, дома, построенного в сталинские времена, много. Одна и вовсе одна тысяча восемьсот десятого года. Такая дата стоит под росчерком художника. Она притягивает к себе ощущениями и восприятием. Огромная люстра свисает низко над обеденным столом и приборами. Её тяжёлая бронза крепится к высокому белому потолку цепью, которая пролегает в креплении и по самому потолку.

«реликвия какая-то что ли»?

Болото с высокой осокой и тёмным небом написано художником так реалистично, что в тёплый день хочется встать к нему ближе, в надежде ощутить прохладу от водной глади.

И вот я вновь отвожу взгляд, но уже от портрета, от мужчины, который уж слишком реалистично смотрит на современный мир с потемневшего от времени холста. Наличие тяжелой рамы меня отторгает от всего этого художества. Мы в наш век не привыкли к такому количеству позолоты. Я вновь смотрю на холст с болотом и понимаю, что это работы одного художника.

Хочу узнать больше, ожидая рассказа о семейных ценностях. Но наши родители говорят о выборе ресторана и о том, в каком салоне стоит покупать подвенечное платье и костюм для жениха. Звучат слова об акциях и скидках в магазинах. Отдельно обсуждается фата и букет невесты.

И я борюсь с ощущением, что вот-вот очнусь от сна.

Но нет, всё на месте: его улыбка, моя рука в его, когда мы под весенними каплями дождя бежим до машины после работы. Я ловлю его взгляд и понимаю, что он тоже пребывает в странном состоянии. Но старается этого не показывать, ведь рядом друг.

Его Женька, которая и возле кабинета директора улыбалась, считая, что они не виноваты вовсе, а градусник, он сам разбился.

И мы оба, опять обманывая всех, продолжаем играть в уже взрослую игру, правила которой ещё не до конца поняли.

Как уже говорила ранее: — родные и друзья всерьёз начали поздравлять с помолвкой. Они строили планы, обсуждая детали торжества.

А я, стараясь обмануть всех счастливой улыбкой, ждала, когда же предстоящее событие таки станет моей реальностью.

Когда я перестану думать:

«- Это не со мной происходит».

Глава I.

— Мы собрались близнецов окрестить.

— Катя, ты ничего не говорила. Когда решили?

— Вот. Говорю... Успеем до твоего девичника и свадьбы. Антон на рейде стоит. Ремонт у них на судне и через два месяца снова в кругосветку.

— Понятно.

Я задумчиво рассматривала кусты рододендрона, наконец-то зацветшего в этом году.

Директору нашему спокойно совсем не живётся: — газоны вокруг учреждения подстрижены, на них эффектно, красивыми островками, набрали цвет тюльпаны. Парк камней кажется чудом, созданным природой. Заведующая хозяйством, эколог по образованию глаз не спускала со своего детища. Идеальная чистота и гармония вокруг. Такое чувство, что по ночам по аллеям не дворник Федотов ходит, а фея летает.

— Красиво. Да?

— А вы церковь уже выбрали?

— В монастырь за город поедем. Поможешь? Крёстный отец, которого Антон выбрал, он, боюсь, не справится с Лёшкой. Илья спокойно всё вытерпит. Да что я тебе говорю, ты и сама знаешь. В монастыре правила строгие, перед крещением поститься нужно и исповедаться. Выучи «Отче наш», это обязательно спрашивать будут.

— В чём исповедоваться?

- Не знаю. Матушка настоятельница мне целый список на руки дала. Жень, помоги. Только ты и справишься. Твой Игорь так и сказал: - *«к Жене все вопросы»*.

- Катя, ну что вы всё так усложняете? В районе железнодорожной слободы восстановили прекрасный храм. Там и батюшка... И его жена живую поёт всё такое церковное.

— Свекровь и слышать не хочет. Ты же знаешь её. Проще на исповедь сходить и неделю постное есть.

— Ты и так непонятно откуда силы берёшь жить. Катя, когда последний раз взвешивалась? Тебя же медичка предупреждала...

— Ты платье уже выбрала на свадьбу?

Девушка, совсем неожиданно ставшей близкой подругой осознанно переводила разговор, совсем не желая говорить о том, что тает просто на глазах. Ежедневная физическая нагрузка по много часов на льду давала о себе знать. А ещё дома были близнецы: — Алёшенька и Илья и вечно отсутствующий муж.

Мама Кати мне казалась существом неземным. Хорошо, что пребывающем на пенсии. Она всегда поддерживала дочь. На том и держалась эта удивительная семья.

«- Катя, наверно, тоже вот также думала, выходя за Антона, что её любви хватит на двоих».

Эта истина мелькнула вдруг синим крылом пролетающей над нами птицы-счастья и исчезла из сознания.

А может это просто небо сегодня такое ярко-синие. Оно у нас на Дальнем Востоке очень высокое и совсем бескрайнее в любое время года. И я вдруг поняла, что не хочу говорить о своём свадебном наряде, который сейчас везли на подгонку в лучшее ателье большого города. Во всяком случае так утверждала властным голосом моя будущая свекровь.

— Я помогу, честно. Антон не против будет?

— Нет, конечно. Не думай, что он снова накричит в раздражении на Игоря.

— Хорошо.

Присутствие Игоря на крещении подразумевалось, само собой. Как же без него? Ведь мы всегда были вместе в выходные. Из всех нас, мне кажется, он единственный придавал большое значение вере.

Вернее, не совсем он.

Его семья.

Поняла, что, стоя возле входа в учреждение, спрятавшись за ширму собственных душевных переживаний, мы с Катей незримо отгородились в этот момент друг от друга. И разговор, словно ручеек, едва начавшись, тут же потерялся, не находя выхода к дальнейшему взаимопониманию.

Еле слышно о мелочах, о погоде, о делах.

За каждым словом тишина грусти, густая и непроглядная, как туман над осенним лесом.

Я смотрела на Катю и видела, как её глаза скользят мимо, будто ищут что-то. То, что давно потеряла и найти не может.

«- имею ли я право спросить у нее?»

«- о чём?»

«- отдала бы она свои чувства вновь Антону, если бы у неё была возможность вернуть всё обратно. Мужчине, который продолжает любить другую?»

Никто мне не ответил на это, и я осталась один на один со своими мыслями, понимая, что нет реальной инструкции по созданию своего личного счастья.

Гравийка петляла между полями, словно змея, вытянувшаяся под лучами майского полуденного солнца. Пыль, поднимаемая редкими проезжающими машинами, медленно оседала на придорожные травы, покрывая их тонким серым налетом. Вдалеке за горизонтом, виднелись силуэты фермерских домов, окруженных редкими деревьями, которые казались островками зелени.

Воздух был наполнен запахами земли и растений, смешанных с легкой горчинкой пыли. Полевые цветы — первоцветы, пробивающиеся сквозь совсем неплотный ковер молодой травы, качались под лёгкими порывами ветра, словно приветствуя редких путников.

Время здесь текло медленно, будто сама природа наслаждалась этим покоем, нарушаемым лишь криками птиц, кружащих над полями в поисках добычи.

Иногда на горизонте появлялись фигуры пастухов, коров и овец, занятых важными своими делами. Они двигались неторопливо, словно сливаясь с этим пейзажем, ставшим их смыслом жизни.

Гравийка, казалось, была не просто дорогой, а нитью, связывающей их мир с чем-то далеким и неизведанным.

Мы наконец-то свернули на пыльном перекрёстке в нужное направление. Лёшка, сидящий в детском кресле, посматривая в мою сторону, играл с машинкой и тихо спрашивал меня, куда мы едем.

— В красивый дом к строгой тёте. Ты будешь хорошо себя вести?

— Нет.

Ситуация мальчишку явно забавляла. Улыбаясь, он качал ногой, посматривая уже в окно. Маленькие пальчики на ручках привычно отдирали колёсико от новой игрушки. А я, просто не представляя себя в качестве крёстной мамы, вдруг поняла, что каким-то чудом совсем не думаю о предстоящей свадьбе и о том, как люблю своего будущего мужа.

Игорь остался в городе. Причин на удивление было много. Он проговаривал их по телефону, и я, понимая, что готовил он это заранее, натолкнувшись на стену слов и эмоций, не стала спорить. Из всего сказанного поняла, что не хочет он свой *prilus* гонять по бездорожью...

«- У Кати и Антона машина вместительная, места хватит всем, думаю».

Твердил голос жениха.

Мысли убежали совсем в другом направлении, и я вспоминала заученную молитву, готовясь будто к экзамену.

А ещё, сознание фокусировало правду:

«- миновав обычный перекрёсток в полях, я будто освободилась от тяжести ответственности. Её развеяло попутным ветром. Совсем не побоюсь сказать, что я на совсем непродолжительный период времени лишилась чувства всепоглощающей любви к Игорю».

Далее всё происходящее кадрами ложилось в сознании.

В простом тёмном платье, похожая на монахиню, с покрытой головой, держа Лешу на руках, я взойшла на крыльцо монастырской церкви. Катя была очень взволнована, она беседовала с пожилой женщиной в тёмном. К ним подошёл Антон. Я смотрела, как он берёт жену за руку, стараясь успокоить её. Даёт очень понятные ответы на вопросы. Эти вопросы задают буквально все. Гости. Бабушки и дедушки близнецов.

А далее шла служба. Стараясь вникнуть в происходящее, понимала, что мне необходимо удержать очень подвижного ребёнка на руках в тот момент, когда батюшка скажет опустить его в купель.

Удержать удалось.

Дрожало пламя свечи. Лики на иконах смотрели строго.

Службу отстояла, стараясь не встречать взглядами с теми, кто посвятил себя всего этому простому делу.

Передала крестника его дедушке и казалось, вздохнула спокойно. Спокойно, пока не встретилась взглядом с совсем возмужавшим бывшим одноклассником — Антоном.

Выгоревшая чёлка светлых волос и взгляд, лишённый юношеской ветрености. Школьный друг стал совсем другим. В душу закрался стыд, будто мы и вправду обманывали всех вокруг с Игорем.

Понимала, что каждый раз, когда друзья пытались поздравить нас или задавали вопросы о планах на будущее, сердце сжималось от неловкости. Я ловила себя на мысли, что созданный идеальный образ невесты, на самом деле не имел ничего общего с реальностью.

Но в этот раз поздравлений не было...

— Слышал про вас...

— Катя сказала?

— Нет. Сам Игорь.

Тишина. Она образовалась вокруг. Звуки перестали существовать. Только Антон рядом и его голос.

— Жень, не глупи. Ещё не поздно. Всё можно вернуть назад.

— А если нельзя?

— Нельзя уже мне, я никогда не брошу Катю и близнецов. Она научила меня любить не только тебя! Ты же знаешь, Игорь, он думает о другой. Почему все молчат? Почему никто не откроет твои глаза? Остановись! Просто сделай перезагрузку. Ведь ты можешь.

— А если я не хочу! Не могу!

— А если я скажу тебе, что Даша прилетела с мужем к родителям. Игорь, поэтому сейчас не с нами, хотя обещал помочь. Всем нам, учитывая, что близнецам нужны отдельные кресла безопасности, очень тесно в одной машине. И он это прекрасно знает. В самый последний момент он нашел массу причин. И всё из-за того, что его Даша в городе!

Мне кажется, в этот момент я перестала дышать, всё качнулось вокруг. Обернувшись, ища спасения от правды, я наткнулась взглядом на женщину, стоящую на крыльце. Пожилая монахиня, не таясь, слушала наш разговор.

Весь её облик был одной большой всепоглощающей мудростью. Я почувствовала, как в груди поднимается нечто тяжелое — груз, который я не в силах была удержать.

Монахиня шагнула вперед,

— Правда, дитя моё, бывает тяжела, но в ней таится свет, господь даёт нам те испытания, которые, страдая, мы всё же можем вынести, — произнесла она тихо.

Опять же стыдясь самой себя, украдкой глянула на своего собеседника, который продолжал стоять, замерев в ожидании. Лицо Антона словно лёд на моей работе, а он не терпит сомнений и ошибок. Я понимала это. Понимала, что друзья, иногда говоря вот такую правду, совсем не дают нам права на ошибку.

Вернее, как бы это сказать: — не дают возможности не реагировать на правду.

На то они и друзья.

— Что, если я не смогу сказать ему? Ведь я люблю этого человека всю свою жизнь, — вырвалось, и искренность этих слов отрезвила не только меня, но и всех, кто был вокруг.

Мой голос, казалось, слышали все.

Катя обернулась.

Монахиня подошла ближе и, протянув руку, коснулась моего плеча.

— Иногда именно в понимании этого мы обретаем свободу, — произнесла женщина, и её слова, без остатка проникли в душу.

Они обосновались в ней насовсем.

— Мне нужно побыть одной. Антон, я сама доберусь до дома.

— Женя, не глупи!

— Я останусь пока здесь.

Не замечая никого, я пошла.

Вначале на задний двор церкви.

Сжимая рукой смартфон, вдруг неосознанно отключила его.

Через некоторое время позабытая всеми, не различая дороги, оставила территорию, которая принадлежала монастырю.

Шла вначале по гравийке, будто обратно в город, решив, что меня подберёт на обратном пути машина с друзьями. Но этого совсем не хотелось.

Стыд разливался в сознании.

Свернула в поле, думая, что позовут, наверное. Моя фигура в чёрном была очень приметной на фоне молодой зелени. И всё же видеть я сейчас явно никого не хотела. Уберечь себя от общения, от лжи, сложить груз ответственности, который несла слишком долго.

Оставить его где-то.

Выбросить!

Я шла, не чувствуя ног, не замечая времени. Где-то вдали маячил лес, безмолвно, обещая мне укрытие от самой себя. Я направлялась туда, не зная, зачем, но инстинктивно понимая, что там можно спрятаться от всего: от людей, от слов, от себя, которая судила...

Собираясь перейти широкий ручей, играющий на своём пути камешками, не осознавала, зачем мне это нужно. Так бывает. Совсем бездумно занесла ногу и вдруг оступилась на мокром валуне. Нога соскользнула.

Летела как в замедленной съёмке, на инстинктах старалась сгруппироваться. Всё равно упала неловко набок, боль обожгла запястье руки. Именно на него я облокотилась.

И в этот момент будто провалилась в топь.

Действительность на ложившись друг на друга в сознании кадрами, раздвинула их совсем на недолгий промежуток времени. Что-то вспыхнуло, остыло. Темнотой взялось.

Соединилось.

Но уже по-другому.

Через какое-то время, осознав, что ничего не вижу, открыла глаза.

Раздался звон церковного колокола и будто выстрел. Эти звуки разорвали действительность на «до и после».

Они были словно набат. Гулкие удары разносились по округе, проникая в каждую щель, в каждую душу. Часто стрелял кто-то из ружья, и колокольный звон, не переставая, оглушал.

Его звуки сливались в единый поток, наполненный тревогой и предчувствием.

Небо над головой совсем потемнело, хотя до этого день был ясным. И птичья стая сорвалась и взлетела высоко в небо крича. Шумели крылья!

А выстрелы всё звучали.

«- будто ласточки в небе кричат, спасаясь от пуль».

Вся мокрая, поднимая до колен подол платья, который лип к ногам, с трудом поднялась и с удивлением поняла, что ручей намного глубже, чем изначально казался. Он уходит болотиной в высокие кусты.

«- болота все одинаковые на вид, но это знакомо».

«- что это кровь на воде?»

«- нет, показалось».

«- и всё же как кусты высоки здесь и туманом словно покрыты».

Вся мокрая, с грязными руками, не сдаваясь, отходя от этого места, в отчаянии чувствовала, что груз, который я несла всё это время, становится все тяжелее. Воспоминания навалились с удвоенной силой. Они, будто впитывая в себя весь воздух вокруг, гнали меня только вперед, пытаясь согнуть волю. Чувства были частью меня, как шрамы на сердце, которые не заживают. Как сумасшествие. Я снова двинулась вперед, совсем не думая о том, куда иду. Ноги вначале утопали, а после пошли по молодой траве.

Лес встретил меня тишиной и туманной дымкой. Ветви деревьев сплетались над головой, создавая плотный навес, сквозь который едва пробивался свет.

«- вроде листва молодой должна быть».

Уставшая присела на корни, прижавшись спиной к стволу, и впервые за долгое время позволила себе просто быть.

Ни думать, ни решать, ни нести.

Просто быть.

Глава 2

Моё состояние было без сна и видений. Совсем краткое, как мне показалось, и похожее на детский сон — дневной. Этот сон будто дождём смыл тяжесть с души. Даже не смысл. Нет. Однако я будто с другого места стала смотреть на ситуацию в целом. Незримо обрела ту самую свободу, о которой говорила женщина на крыльце монастыря.

«-решиительно нам не стоит больше видеться с Игорем, я объясню ему все по телефону, мама поймёт меня, папа поддержит, я верю в это».

«- не видится с ним, пока всё не успокоится».

Было стыдно в душе, что примеряла кольцо. Носила его, закрепляя другим, более подходящим по размеру.

Стыдно перед всеми на работе.

«- как же хорошо, что не надела его сегодня; считая, что могу покарять им ребёнка оставила украшение дома».

«- как же хорошо, что раньше времени не переехала жить к жениху».

Эти мысли сновали крейсерами в мозгу, не давая осмыслить, где я сейчас нахожусь.

Смартфон был разряжен, он не реагировал на мои попытки включить его заново. Выйдя из берёзовой рощицы, решила, что телефон побывал вместе со мной в воде. Заметила, что солнце клонилось по моим подсчётам примерно к пяти часам вечера.

Вспоминая то, как нас гонял физрук в институте, готовая к любым физическим нагрузкам, с удовольствием понимала, что приняла весьма правильное решение утром: — надеть удобную спортивную обувь в тон к своей одежде.

«- вся в чёрном, как птица ворон с покрытой головой, сойду за монахиню, может, какая машина подберёт по дороге и подбросит до города».

Счистила грязь с влажной юбки, обтёрла руки, перекинула маленькую сумочку через плечо и грудь. На боку она была совсем неприметной. Потуже сделала перевязку платком на запястье, опасаясь, что ушиб или растяжение начнёт болеть сильнее.

«- так, вперёд, дорогу я помню, отвлекусь от боли в руке ходьбой».

«- всё будет хорошо».

«- воздух свеж и теплее вроде в разы стало, чем днём было».

Понимая, что это ненадолго ведь майское солнце собирается на покой, — определилась с направлением. Решила вернуться в монастырь, зарядить телефон и вызвать отца на помощь. Он обязательно приедет за мной, не задавая лишних вопросов. Бодрым шагом пыталась обойти болотину по сухому. Однако замочив вновь ноги, в конце концов, освободившись-таки от всей этой грязи, я наконец-то отправилась, искала гравийку.

Безысходность от неразделённой любви осталась в лесу, она продолжала спать, уютно разместившись под тем раскидистым деревом серой березы.

Мысленно я не спешила возвращаться в лес, стараясь забыть о существовании не разделённого чувства. И ничего особого, и странного не замечая вокруг, выйдя из кустов на дорогу, вдруг поняла, что она никогда не чувствовала на своей поверхности груза тяжёлой техники, которая разравнивает её после допустим проливных дождей.

«- вроде и кустов этих не было».

«- я помню, грейдер оставляет по бокам дороги насыпи, а тут всё неровно и будто телега ехала, вот и колея. Не с той стороны я вышла видимо».

Обернувшись вокруг оси, заметив купол церквушки вдали, вздохнув с облегчением, двинулась на ориентир.

«- все дороги ведут в Рим, не помню кто это сказал. В нашем же случае не Рим, конечно, но как я понимаю, это лучшее решение в данной ситуации».

Подозрения, что иду окружным путём и доберусь я до монастыря, возможно, уже затемно, заставляли спешить. Тело, привыкшее к многочасовым физическим нагрузкам, не бунтовало. Оно входило во вкус, освобождаясь от стресса.

Сквозь облака пробивались последние яркие лучи солнца, окрашивая небо в золотисто-багряные оттенки. Шла по-старому, широкому тракту между полей, наслаждаясь одиночеством. Монастырь манил меня своей спокойной аурой, обещая укрытие от суеты мира на несколько часов. А, возможно, и всю ночь.

Не хотелось вопросов и участливых взглядов.

Хотелось пить.

Скоро жажда сожмёт горло так, что дыхание начнёт сбиваться. И тогда уже вряд ли получится идти в заданном темпе. Пришлось, сойдя с дороги, и найти всё ту же речушку. Она подковой стремительно уходила в поле и возвращалась, становясь всё глубже и шире.

Подумав и осторожно согласовав этот момент со своим внутренним миром: — предупредив его что вода, совсем не кипячённая, решила, что всё обойдётся в конце концов.

Став на колени и склонившись в удобном месте, принялась пить из пригоршни, удивляясь тому, какая на вкус вода необыкновенная.

«- ускорюсь, пока никого нет рядом, перейду на спортивный бег, не люблю темноту на незнакомой местности».

Размеренное движение и влажная одежда, свежий ветерок приводили мысли в порядок. И в моей голове уже звучал уверенный голос Игоря, от которого я ожидала разумного ответа на все мои умозаключения. Мужчина должен был понять очевидное: — мы точно заигрались.

«- испортим друг другу жизнь, и это будет мелочью по сравнению с тем, какие страдания примет наш ребёнок, разделяя любовь между матерью и отцом».

«- Женя, ты, как всегда права».

Это был ответ моего жениха.

Очень правильный.

Лишённый условностей.

А их было очень много.

«- наполовину оплаченный ресторан и аренда лимузина, приглашённые гости, мой безумно дорогой наряд, серьёзный взгляд отца... от него не спрятаться; вздохи мамы».

«- вы когда-нибудь отменяли свадьбу?»

«- нет» ...

«- никогда?»

Вспомнилось, как мама рассказывала, что дочь их главного бухгалтера ждала жениха в её самый главный день.

А он не приехал.

Подружки невесты ещё долго обсуждали бледный вид Леночки, её тихие слёзы, наряд, фату и звонок Сергея с Сахалина.

«- Прости».

Шептал он ей.

А она рыдала в трубку телефона, слушая страшную правду, которая называлась:

«- Люблю другую».

Мозг просчитывал финансовые потери наших с Игорем семей, ища спасение в возможности получить длинный отпуск и отпускные, разумеется, которые мне были положены как учителю.

— Простите.

Шептали стыдливо губы...

Глаза же в изумлении смотрели на практически полностью разрушенную часовню и монастырский двор. Пламя давно уничтожило многое вокруг, оставив лишь обугленные стены и груды не до конца сгоревших конструкций.

Печальным памятником над останками монастыря высился чудом уцелевший купол, который я и признала издали.

Мне казалось, воздух до сих пор был наполнен едким запахом гари, хотя пожар случился явно не сегодня. Под ногами хрустели остатки рухнувших деревянных балок, некогда поддерживавших крыши надворных построек. Среди руин виднелись обгоревшие иконы, их лики, казалось, застыли в скорбном молчании.

Шепча выученную, по приказу Кати, молитву, стояла, опустив голову, остановив спешный шаг.

Пыталась осмыслить увиденное.

Среди обломков боковым зрением заметила блеск металла — это был уцелевший крест, чудом сохранившийся среди разрушений. Он казался чем-то чуждым для меня: — одинокий призрак прошлого среди пепла и разрухи.

Небо, слабо освещённое зашедшим уже за горизонт солнцем, должно было сейчас закрыться ночной темнотой. Захлопнуться. Были видны первые звёзды, я никогда не замечала ранее, что они такие близкие и холодные.

Темнота наступала медленно, как, будто не решаясь полностью поглотить остатки дневного света. Вдалеке на горизонте, еще теплился слабый отблеск заката, но он уже терял свои краски, превращаясь в серую дымку. Я стояла и чувствовала, что земля под ногами становится все холоднее.

Она вовсе уходила из-под ног.

Уходила, потому что я совсем ничего не понимала, увидев за обгоревшими стенами церкви скелеты кладбищенских надгробий.

Интуитивно, будто боясь оставаться на всеобщем обозрении, отшатнулась.

Не дышала.

Честно не дышала! Пока бежала те несколько шагов.

Слыша стук собственного сердца, нырнула под остатки крыши сараюшки.

Удивилась тому, как сжаты мои кулаки.

Сознание, устав винится перед родственниками за сорванную свадьбу, испуганно металось, страшась задать самому себе самый главный вопрос на этот момент:

«- где мы?»

«- я точно помню, что кладбище не было, уходила в поля именно со внутреннего двора, а с него сейчас и начинается старая и покосившаяся кладбищенская ограда».

Превратившись в соляной столб, молила солнце окончательно зайти за горизонт. Наверное, впервые в жизни не страшась темноты.

«- где я?»

— Что застыла дурь несусветная? Присядь. Или и ты шальную пулю отхватить захотела? Чему вас в монастыре только учили? Не слышала разве? Стреляли.

От хриплого шёпота, звучавшего со стороны кладбищенских крестов, я кулём осела в сажу и грязь. В голове поднимался жар. Ничего не понимая, шепнула, что в монастырях учат молитвам, наверное.

— Молитвам. Это да.

Чей-то протяжный голос и неуловимое движение в мою сторону. И я ощутила возле себя человеческое тепло. Глаза привыкали к темноте. — Ты кто?

— Стёпкой кличут. А ты?

— Евгения.

На языке вертелось отчество, его я привыкла называть всегда перед учениками. Но то был не ученик, и он меня опередили.

— Сестра?

— Кому?

— Значит, послушница Эжениа это ты? Тебя искали монахини после пожара, говорили, что батюшка за тобой из города подводу прислал. Пошли.

— Нет, это не я.

— Хватит тайны разводить, пленённый француз повсюду рыщет. В город подаваться надо.

— В город? Француз?

— Тьфу ты! Ты от любви своей к этому месье совсем головы лишилась? Выбираться нужно. Пошли!

И пацан, выскочив из укрытия, если можно было правильно судить по звукам, рванул в сторону кладбища. Он будто знал, что это единственное место, где можно спрятаться. Место, где тебя не найдут. Там среди могил, старых деревьев и памятников, можно переждать и собраться с мыслями.

«- А вдруг найдут?»

Страх меня погнал за ним.

— Подожди, Степан.

— Стёпкой зови. Мне так привычней. Грамоте оне обучены, подумаешь.

Он шмыгнул носом, вновь где-то совсем рядом, я слышала, как мальчишка сморкнулся в темноту и отёр пальцы о штаны, а после взял меня за руку.

Хотелось достать влажную салфетку из сумочки.

«- полное отсутствие воспитания у ребёнка».

Но ударом в висок толкнул смысл сказанных слов этим самым ребёнком о том, что француз повсюду рыщет.

«- какой француз, какой месье, что за бред!»

«- я не послушница!»

«- молчи, дурёха, а то проколешься».

Эта мысль была сродни той, которая бесновалась в голове, когда мы стояли у кабинета директора с Игорем.

«- молчи Женька, молчи и принимай новую действительность, иначе не выживешь».

Эта фраза, прилетевшая будто на крыльях той самой птицы перелётной, что показала мне своё крыло в двадцать первом веке, стала девизом всех последующих дней и ночей.

Мы шли со Степаном в ту ночь очень долго. Он молчал, будто, боясь спугнуть меня. И только часа через четыре спросил тихо.

— Устала?

— Да.

— Привал?

— Да.

— Хорошо. Я тут знаю одно место.

Мне кажется, мы вновь направлялись в тот самый лес, который приютил меня днём. Или нет? Верно нет. Ушли уже далеко. Сколько километров отмахали? Но возвращение под укрытие из берёз именно сейчас, казалось, мне очень опасным.

— Не пойду в лес. Давай спустимся к реке и укроемся под обрывом в ивняке.

— И то верно. Ты там схоронилась? После пожара?

— Да.

— Приказчик ваш бесновался больно разыскивая. Говорил, что не вернётся без тебя в город. Что батюшка твой генерал с него шкуру сдерёт живьём.

— Пожар?

— Почитай, что седмица прошла. Пленные, раненые французы подожгли поленцу дров и вот... Паника! Оне сами сбежали, прихватив орудие охраны.

— Сбежали?

Мне стало по-настоящему страшно. Пленные. Жестокие и голодные. Звери в обличие людей.

— Ты будто не в себе.

— Страшно мне, Стёпа. Все мечты рухнули, любовь умерла. Я будто целый мир потеряла.

— Слышал я про твоего месье благородного. Бросил он тебя и в Брюссель укатил, так монахини говорили. Не горюй, я тебя доставлю к бабушке.

— А сам?

— На войну подамся. Сытая жизнь, скажу я тебе, на войне. Одно наслаждение канониром возле пушки служить. Кашу в обед тебе положено и краюху хлеба, опять же взвар сладкий. Про масло слышал, но не верю... Каждому, знаешь ли масла не напасёшься...

Слушая наивный бред сорванца, прислушивалась, стараясь не засыпать. Прижала его к себе. Так было теплее.

А ночная река жила своей жизнью. Мягкий плеск водицы создавал особую атмосферу без посторонних звуков. К утру всё окуталось туманом, словно невеста в белоснежном одеянии прошла.

Река явно доносила до нашего внимания плеск своих обитателей — это были рыбы, лягушки, птицы и даже, наверное, таинственные существа, которые прятались в её глубинах.

— Держи корку монастырского хлеба. Он обгоревший немного, но ничего.

— Спасибо.

Мальчишка вытащил из-за пазухи грязный сухарь.

По обе стороны берегов затаились деревья, склоняющие свои ветви к воде, словно желая услышать секреты о создании всего мира. Лунный свет до самого рассвета играл на поверхности, рисуя сказочные картины.

А голоса *«таинственных существ»* мы точно услышали поутру. И не понимая, что творим, прижались со Степаном друг к другу едва дыша.

— Господи помоги.

— Ш-ш-ш, мамзель. То вроде не французы.

— Какая я тебе мамзель!

— Молчи. Услышат нас. Поутру знаешь, как голоса разносятся по реке? Утром всё по-другому.

Мы долго отсиживались, прячась в ивах, а когда солнце совсем уже встало, осторожно выползи из укрытия. Оглядывались по сторонам, пачкаясь, взбирались вверх по обрыву. Утро было тихим, лишь легкий ветерок шелестел травами, воздух пах сыростью. Вдалеке за полем, виднелся лес, темный и манящий, обманчиво обещающий безопасность.

— Пошли по тракту.

— Тихо как, будто затаились все.

— Не затаились, а ждут француза для сражения. Наши в Можайск сейчас стянули войско.

— Откуда ты знаешь?

— Так, ваш приказчик и говорил об этом.

«- как не сойти с ума»? «- как вернуться домой»?

«- или это Степан сумасшедший и мы скоро все поймём это»?

«- наверное, так и есть: - он из интерната для детей из сложных семей, и нас давно уже разыскивают».

Именно так я и успокаивала себя, теща надеждой.

«- тогда кто поджог монастырь»?!!

«- где я была целую неделю?»

«- Господи!»

В отчаянии с губ слетали сами слова молитвы.

— Ты молись, конечно, но знаешь, нам лучше шибче идти. Если попадём в город к вечеру попрошу тебя дать мне гроши, свечку куплю и поставлю во здравие... Дашь?

— Дам, конечно, как не дать. Слышишь? Кто это?

Остановившись, мы смотрели друг другу в глаза.

Его зелёные с крапинками впитывали мой образ и вроде даже как посмеивались.

— Как есть телега катит. И птица вон взлетела испуганно. Кто это такой смелый? Не знаю. Укройся. Залечь тебе нужно вон в кустах.

— Там болотина.

— Беги!

Я пустилась в бег, задрав юбку, не чувствуя под собою ног и вновь оказавшись в воде, передёрнула от холода всем телом, глубоко дыша.

«- Господи, домой хочу. Чистой воды сумасшествие. Кто-нибудь верните меня обратно! Верните! Я на всё согласна! Я замуж за Игоря пойду... если нужно».

Голоса приближались.

Вода сжимала тело ледяным кольцом, я не могла остановиться. Каждый шаг давался с трудом, ноги утопали в скользком илистом дне, а дыхание сбивалось, превращаясь в короткие, прерывистые рывки. За спиной слышался топот, и я знала, что они близко. Руки хватались сами за кусты. Изрезанные, они кровоточили. Сердце колотилось так, будто готово было вырваться из груди, но страх гнал вперёд, заставляя забыть о боли и усталости.

— Мадемуазель Эжениа, вернитесь! Батюшка ваш в Москву собирается. За вами послал. Вернитесь! Он приказал забрать вас из монастыря.

Хотела кричать, что не мадемуазель Эжениа я вовсе, что это ошибка какая-то. Что устала до одури, промёрзла и хочу домой к своим настоящим родителям.

«- молчи Женька, молчи и принимай новую действительность, иначе не выживешь».

«- выходи к ним, они, явно посмотрев на тебя, признают ошибку».

«- если я сейчас выйду к ним, то да они поймут это, наверное, а я выдам себя за другую послушницу, всё спишем на завоевателей французов, не знаю, как быть иначе».

«- не знаю!»

Ещё вполне осознанно сняла с себя сумочку двадцать первого века и умышленно утопила её в болотине, втаптывая ногами в ил. Повязала платок на голову. А после одумавшись, освободила ступни от кроссовок.

Шла обратно босая, практически по пояс в воде, путаясь в длине юбки, вновь раздвигая руками кусты. Стучало сердце в висках. И хотелось кричать от страха.

Дрожа, кусала губы до крови.

А увидев крупного мужчину в сюртуке тёмного цвета, заглянув ему в лицо, вдруг поняла, что рыдаю взахлёб. И заикаясь буквально не могу сказать ни слова.

— Святые угодники!

Он подхватил меня под мышки, вытянув из воды и вдруг разволновавшись, вконец, кликнул Степана.

— Без сознания она! Живой бы довезти до батюшки, сигай в телегу, стели мешки и шинели.

Всё остальное было бредом.

Меня качало немилосердно и трясло от озноба. В бреду я звала крестьянского мальчика Степана, прося его не бросать меня одну на болотах. А после слышала конную многочисленную поступь, скрип колёс и голоса.

Голоса.

Зовущие меня.

Крики и рыдания.

А ещё видела палату в больнице двадцать первого века и девушку на кровати, трубки, тянущиеся к её вене, и мою мамочку, что склонилась над нею.

— Женечка, они обязательно найдут, кто стрелял!

Она тихо плакала:

— Доченька, ты только живи!

Глава 3

Руки неистово, и с силой сжимали поводья, когда бывалые вояки слышали горячительный шёпот дочери генерала Виктора Михайловича Бутенева.

В бреду она сбивчиво шептала что-то, стараясь вырваться из рук лекаря. Рассказывала о том, как бежавшие пленные французы, без разбору стреляли в послушниц и монахинь на берегу речушки близ горящего монастыря.

Она замолкала и тогда, только совсем равнодушный не читал в душе молитву, желая только одного: — довести девушку живой до родной бабки, которая проживала в Москве.

А после она звала Степана, и только когда деревенский, крепостной мальчишка, сидя рядышком на сене, шептал ей о том, что всё у них будет хорошо, девушка забывалась спокойным сном.

Небольшой вооружённый отряд выехал из Можайска, почитай, как день с небольшим назад. Его ход сдерживали едва ползущие по дороге телеги с ранеными. Но для того он и был отряд, чтобы сопровождать.

Время медлило, и каждый час был испытанием. Это было вчера. Солнце всё выше поднималось, обжигая землю, и все в обозе старались сохранять спокойствие.

Раненые, укрытые под простыми холстами, тихо стонали от боли. Патрульные солдаты, настороженные и усталые, не могли позволить себе расслабиться. Всем до сих пор слышались звуки сражения — глухие разрывы и громкие крики, топот копыт и лязг оружия.

А сегодня поутру, возможно, часа через четыре, как расцвело, вдали, на линии горизонта стали видны кремлёвские купала Первопрестольной.

Оставалось совсем немного.

Это было и хорошо, и плохо.

Ведь линия фронта неумолимо приближалась.

Можайский предводитель стал заниматься военными приготовлениями, когда ещё война не началась и француз не перешёл Неман.

Ситуация перед летом 1812 года была не то чтобы странной, она предсказывалась слишком многими. Но в это не верили. К тому времени русские воины уже не раз сталкивались с французскими войсками на европейском театре военных действий. К началу войны Бонапарт поднял под себя всю Европу, однако он оставался быть нашим союзником.

Императорский двор имел полную информацию о возможном нападении. Однако в это мало верилось.

И всё же на основании рескрипта царя – батюшки Александра I, по его личному распоряжению приглашали *«в военную службу»* на военное время отставных штаб- и обер-офицеров, *«имеющих силу и способность продолжать службу и известных в кругу дворянства по доброму их поведению, притом не за порочные поступки отставленных...»*

Городничий и земский суд Можайска оповещали всех отставных офицеров, а предводитель дворянства свидетельствовал способности и беспорочное поведение призываемого на службу, обеспечивал его прогонными деньгами во время следования к месту формирования полков.

Вся эта работа ускорила с приездом в Москву императора Александра I. Он проезжал из Смоленска, где получил известие о ратификации мира турецким султаном, и можайцы с восторгом встречали царя.

В этот день гражданский губернатор Москвы, господин Обресков просил генерала Астафьева, чтобы он при содействии можайского, исправника и городничего поспешил пригласить в Москву благородное дворянство *«для совещания и руководства всеми ополчениями»*.

Как сейчас всё это пригодно было и необходимо.

И как же многого всё же не хватало.

Француз, сметая всё, шёл на Москву, словно ураган, несущий разрушение. Его армия, огромная из-за наёмной силы, взятой почитай из всей Европы, двигалась с неумолимой решимостью, оставляя за собой пепелища и опустошённые деревни.

Казалось, ничто не сможет остановить его прорыв, ни реки, ни леса, ни сопротивление русских войск. Но чем дальше он углублялся в бескрайние просторы России, тем сильнее ощущалось сопротивление самой земли.

Москва же, словно мираж, манила его, обещая победу и славу.

Генерал, не переставая, всматривался в лицо дочери. Будто и не она лежит, свернувшись, укрытая одеялами. И только родинка под правым глазом, крошечная матушкина твердила о том, что его подозрения напрасны.

Рассказ крепостного потряс его. Избалованная мадемуазель Эженя, свет в окне для его матушки, единственная наследница угасающего княжеского рода, выстояла, много дней, прячась под песчаными обрывами местной реки. Без усталости, ночью, держась за руку крепостного мальчишки, утопая в дорожной пыли, шла в направлении города.

«- не просил её наказывать и в излишней строгости держать, не просил... несговорчивая монастырская игуменья, она явно не возлюбила с самого начала его девочку.»

Ещё при первой встрече настоятельница монастыря с отвращением ко всему мирскому слушала про историю сватовства французского виконта к княжне. Хотя благородством и серьёзными намерениями там и не пахло вовсе. Видать после революции перевелись во Франции аристократы.

Как только узнал виконт, что Наполеон собрал войска у границ все его благие намерения в отношении юной аристократки из Москвы, покрылись дымкой тумана.

А после и вовсе выяснились нелицеприятные факты об эмигранте и о его деятельности в Первопрестольной.

Вся работа французской разведки обычно оставалась в тени, ибо её затмевали военные победы французского оружия. Но почва для них в определённой степени была подготовлена именно шпионами.

Таковыми, как неугомонный и по-своему очень отважный месть Жан-Ноэль дю Белле.

Именно такая агентура проникала в нашу империю под видом аристократов, монахов и торговцев. Активно использовались жившие в России французы и иные иностранцы — гувернёры, врачи и прислуга русской аристократии.

Вышеуказанные личности влюбляли в себя дам, и служащих с высоким положением, изучали семьи, в которых работали. Использовали сведения, передавая их через свою сеть.

Поразительную осведомлённость имел Бонапарт о тогдашних русских обстоятельствах. Весьма поразительную.

А Эжения, его девочка, она металась по дому, ничего не понимая, кричала и умоляла отпустить её вслед за любимым.

— Как же вы не понимаете! Я люблю его! Хоть режьте меня, хоть душу выньте! Поедьте в Санкт-Петербург, он там, я точно знаю!

А после отказываясь говорить со всеми, молчала много дней, решавшись на побег.

Наглядны за ней установили, но не справились с наказом камеристки. И из наёмного экипажа практически силой вытаскивал свою дочь генерал почти год назад. А после, по решению пожилой княгини-бабушки отвёз единственную дочь в монастырь.

— Как не справлюсь с ней вновь? Упущу девку. Что делать будем? Пусть остынет от любовей своих.

Шептала Софья Антоновна, падая на колени перед Иверской иконой Девы Марии с младенцем.

— Заступись Пресвятая Богородица! Молю!

Прошло около восьми месяцев...

Чуткое сердце забилося у генерала, потому как пережитое не давало покоя. Много случилось за это время. Московские кумушки в салонах судачили: — избавилось от дочери, рождённой в первом браке, жестокое сердце вояки.

Избавилось и позволило себе новую любовь.

Новый брак, и надежду на рождение сына-наследника. Его вторая супруга Наталья Васильевна, урождённая дворянским родом Полонским, была скромна и тиха. Словом, не перечила ему и свекрови.

Покойно было в доме и светло. А сердце генерала стонало, будто предчувствуя беду, которая должна была случиться со старшенькой.

- *Викто'р*, оставьте это. Что может произойти в монастыре? Там в строгости игуменья держит всех. Порядок и молебны за высокими стенами.

Шептала матушка.

А вот когда войско неприятеля оказалось на территории Российской Империи она же первая и забилась как птица в клетке, тревожно вопрошая сведения о последнем местонахождении чужого войска.

«- всему виной глупость- любовью её кличут, она всегда наказуема, отчего же так горько на душе?»

«- может быть, потому, что вместе с ранеными в бою офицерами и солдатами, совсем ослабленная едет в малую столицу его дочь из монастыря?»

«-недосмотрели».

Сколько вопросов и ни одного ответа на них...

Кажется, это стало привычным состоянием. Ищем смысл в происходящем, спрашиваем себя о том, что важно, но вместо ясности получаем лишь новые загадки. Жизнь, словно старинная рукопись с пропущенными страницами, оставляет нас всё чаще в недоумении. Мы задаём вопросы, а она молчит себе и молчит.

Ответ держит лишь эхо наших собственных мыслей.

Иногда кажется, что ответы где-то рядом, но они ускользают, как тени на закате. Мы пытаемся ухватиться за них, но они растворяются в воздухе, оставляя лишь ощущение недосказанности.

Может быть, в этом и есть смысл жизни — *«не найти, а искать»; «не получать, а стремиться»?*

Виктор Михайлович отвёл взгляд от личика дочери.

«- никогда она не была так похожа на свою покойницу мать, как в эти дни».

«- никогда не была столь худа и темна лицом, как этим летом; такое чувство, что пахла она в этом монастыре вместе с монахинями самого низкого происхождения».

Сердце заходило в тоске от огромного чувства вины. А жеребец ретивый, будто зная это, не отходил от повозки с дочерью, словно привязанный к ней был. Он терпеливо нёс своего седока, даже если генерал, доверяясь старому другу, опустил голову на грудь, позволял себе задремать в пути, по привычке твёрдо держась в седле.

— Папа?

Она была иной, не похожей на себя прежнюю, но звала его отцом. Приподнявшись на локтях, удивлённо не сводила глаз, совсем не обращая внимания на адъютанта, следовавшего за генералом словно тень.

И казалось, что это Элен смотрит на него.

Её голос, тихий и дрожащий, произнёс слово «папа» с такой нежностью, что он почувствовал, как сердце сжалось. Взгляд послушницы был полон боли и смирения, словно она несла на плечах тяжесть, которую не могла объяснить.

— Я помню вас, — прошептала она, — но я теперь другая. Вы сможете принять меня?

Он зачистил по-французски взволнованно, будто стоял *«на ковре»* перед молодым императором Александром. Спрашивал о самочувствии, понимая, что кризис миновал.

Она прикрыла глаза, отказываясь слушать. Он вдруг это понял сразу. Между ними пролегла невидимая нить взаимопонимания. Натянулась, и он чувствовал свою дочь *«от и до»*.

Такого никогда не было прежде. Она молчала, но её трепетно прикрытые веки и ресницы говорили больше слов. Он ловил каждое движение, каждую тень на её лице, словно пытаясь расшифровать невидимое нечто, оно связывало их.

В воздухе витало напряжение, не тяжёлое, лёгкое, как тонкая паутина, сотканная из невысказанных мыслей и чувств. Он не знал, как это объяснить, но понимал, что это не случайность.

— Говорите на родном языке. Мы в Российской Империи. Пожалуйста, генерал. Всегда. Я не хочу слышать речь врага в своём окружении.

Прервав свои разговоры, эти слова, слышали многие вокруг. Адъютант — офицер лейб-гвардии Преображенского полка Игорь Андреевич Лопухин, не сдержав удивления, хмыкнул осторожно. В курсе он был всей истории своего генерала. Недолюбливал он юную, избалованную княжну.

Ожидал чего угодно от взбалмошной девчонки, но не такого вот заявления.

— Слышали? Княжна Бутенева более слова не скажет на языке завоевателей?

— Какой конфуз. Благородство отца, ещё не признак, что его дочь имеет право посещать светское общество.

Так будут говорить в Московских салонах.

А после и в Питерских.

Да что проку знать об этом?
Пользы нет никакой.

Жители двухэтажного каменного, в серых тонах, дома возле Воскресенских и Никольских ворот кажется ожидали нас с того самого момента как мы выбрались из Можайска.

Старинная Москва. А. Васнецов

Уставшая я стояла в тёмной, наверное, очень богатой по местным меркам гостиной. Слушала, и не понимая французскую речь, и недоумевала: — вот зачем они так говорят?

Те эмигранты, что бежали от своей революции из Парижа в 1793 году, они обосновались в чужой стране, и уже тогда начали захват.

Культуры и словесности.

Захватывали — делясь своими навыками и знаниями.

Не было в том вреда, двор боготворил Францию:

«- даже Пушкин свои первые стихи будет писать на этом языке, сколько русских людей погибнет в сражениях с французами, а им всё нипочём, одно слово — дворянство».

И сейчас вот неприятно.

И страшно.

Оттого, что совсем ничего **не понятно**.

Встреча прошла так себе. На меня смотрели с горьким недоумением все. Я как умела, склонила голову перед пожилой женщиной, так похожей на родителя: — *rara' мадемузели Эжени*.

Тихо произнесённое слово «бабушка» как я поняла, попало в самую точку. Не глядя в глаза молодой женщине, ожидающей дитя, почтительно сделала реверанс.

«- мачеха, это я поняла ещё в дороге».

«- чувство вины у рара' просто зашкаливало».

А после застыла посреди зала, смотря в никуда. Я так могла стоять вечность. И на льду в коньках в том числе. Расслабляя осторожно и напрягая по очереди мышцы, улыбаясь в костюме для выступлений и нет. Игра тела совсем невидимая для зрителей. А мысли далеко, далеко при этом.

Не соляной столб, конечно.

Назовём фигуру в длинных тёмных одеждах послушницы — статуэткой.

Только вот слабость моя болезненная нуждалась в особой поддержке. Вот и женщина незнакомая — лекарша замерла рядом встревоженно.

Слабость не является символом поражения, я смогла принять её в данный момент как часть себя. В уязвимости, скажу вам, скрывается огромная сила. Вот только бы присесть на тот мягкий диван и голову откинуть.

Однако, бабушка Софи надеялась на другую встречу, я чувствовала это и продолжала стоять.

Крепко сцепленные руки женщины на животе полной фигуры и переплетённые пальцы старались унять дрожь. Лицо...

Не нужно было слов.

Эта женщина вырастила мадемуазель Эжению. Она до беспамьяства любила свою внучку и потеряла бы её навсегда; ведь пленные французы действительно стреляли в тот день. Шальная ли пуля голодного мародёра, направленная в животину в лесу, или прицельный выстрел... А, возможно, они просто бежали, отстреливаясь.

Но пуля точно оборвала бы жизнь непутёвой, летящей за своей любовью голубки.

И только благодаря...

Я даже не могу объяснить, чему...

Случаю!

Назовём это так.

Так вот, благодаря случаю настоящая мадемуазель Эжения сейчас лежит, наверное, уже без пули в теле в лучшей клинике моего региона всё той же России. Но только в двадцать первом веке. А врачи благодаря новейшему оборудованию, своим знаниям и лекарствам, которые годами и десятилетиями затачивались на каждый случай конкретно, пытаются вытянуть её с того света.

От неё не отходит моя мамочка.

Уход и безумная любовь ей обеспечены. Представляю, что творится с бывшими одноклассниками и моими коллегами по работе. Женька — да ты в рай попала! С твоим знанием французского языка и желанием любить, ты, конечно же, будешь удивительным созданием для всего нашего окружения.

Мои друзья, — они в полной мере твои.

Дарю!

Я же стою, ничего, не понимая среди людей, которые ведут совершенно странный для меня образ жизни, имея кучу крепостных. Стою, слушаю их речи и ощущаю всеми фибрами души, как неправильно, то, что я сюда попала.

Чужое, всё чужое вокруг!

— Женечка, ты слышишь? Я звала тебя.

— Я слышу вас, княгиня.

Опять присела, склонив голову.

— Это не она!

Я слышала истерику в голосе женщины. Это был крик отчаяния. Но что право эта женщина причитает так? Разве эльфы подменили её дитя? Разве возможно такое?

Возможно?!

— Эжениа была иной. Что они с ней сделали? Почему она стала так похожа на покойницу Элен?

И вновь французская речь. Генерал произносит что-то, его голос звучит, как барабанная дробь, отдающаяся в висках. Также говорил обычно мой отец.

Господи, как они похожи — эти двое! Из разного времени.

Его супруга, изящная, несмотря на беременность и холодная, как мраморная статуя, подхватывает его слова, добавляя к ним лёгкую, почти неуловимую иронию. Их речь переплетается, создавая странную мелодию, которая давит на грудь как тяжёлый камень.

Окружающие подхватывают разговор. В гости прибыла ещё тётушка. Господи, как её? Чья тётушка? О ней доложили.

Их голоса сливаются в единый поток, наполненный чужими интонациями, чужими мыслями; а главное, чужой жизнью.

Я чувствую, как воздух становится густым, словно пропитанным запахом духов, вина, пыли и вещами, которые очень долго хранили в сундуках.

Всё вокруг кажется...

Нет, не кажется!

Это всё действительно чужое и далёкое. Будто я нахожусь за стеклянной стеной, сквозь которую всё вижу, но не могу понять.

Мне хочется выйти, вдохнуть свежего воздуха, но ноги не слушаются. Голоса звучат всё громче, их ритм ускоряется, и я чувствую, как земля уходит из-под ног.

Всё плывёт перед глазами, и я понимаю, что ещё мгновение — и я упаду.

Они спорят.

Не выдержав, решив оставить это общество, я нахожу в себе силы, чтобы наконец-то выйти из зала.

Глава 4

Спасибо проведению!

Я выбрала правильную дверь. Её двойные, высокие, немного узкие, серые полотна с рисунком в позолоте стремительно взлетали к потолку, который терялся в вечерних сумерках.

Ручка из бронзы тяжело повернулась.

И вот...

Как оказалось, именно эта дверь, как раз и вела во внутренние господские покои. Странно было, если дочь генерала ломанулась бы в сторону кухни или дворовых построек. Как есть странно. Я просто обязана, должна была помнить, как пройти в свои покои.

Женщина в тёмных одеждах, стоящая одиноко в коридоре, подпирая спиной стену, метнулась тенью и встала как вкопанная, напряжённо смотря мне в глаза.

Отшатнувшись от неожиданности. Однако, взглядываясь в лицо незнакомки, прошептала тихо:

— Я многое не помню, сразу говорю. Работа в монастыре, в строгости и нужде; болезни, — они меня лишили многих воспоминаний. Простите. Но кто вы?

Тихо плача, прикрывая низ лица длинным кончиком тёмного платка, она не решалась обнять меня. Шептала только о том, что господь услышал её молитвы.

— Нянюшка?

Я спросила наугад. Ведь нужно же было что-то говорить. Нужно было стоять на своём хотя бы до того момента, когда я смогу вернуться к своим родителям. Я была уверена, что они примут и не выгонят меня, и вторую Женю тоже оставят. Сменят адрес, переедут в другой город, уберегая от лишних разговоров. Вот их любви точно хватит на нас двоих.

И поэтому, я просто включала логику, вспоминая из того, что проходила в школе и в институте. Проверяла на пригодность любой возможный расклад.

Кивая головой, в согласии, подтверждая, что она моя няня, женщина безмолвно утирала слёзы.

— Хочу к себе. Мне нужно побыть одной. Но я прошу быть рядом. Можно?

И ей не нужны были больше слова или подтверждения. Любовь нянюшки была всё поглощающей. Казалось, протяни руку и можно было ощутить её чувства.

Женщина не требовала больше слов, не нуждалась она и в доказательствах: — просто готова было принять меня любой. Безмолвный труд по догляду за княжной не испытывал усталости, не кричал от жалоб. Он и трудом-то не был для той, которая любила мадемуазель Эженю как родное дитя.

Так думала я в тот момент про эту женщину. Узнав позднее, что няня — она просто крепостная.

Однако я должна была бояться её. Ведь она сразу могла распознать подмену.

Но нет.

Мы шли коридорам и погружались в старый московский, боярский быт. И мне становилось спокойнее. Потолки, украшенные резьбой, арками устроенные переходы. Здесь, в этой части дома, время казалось остановленным, и каждый наш шаг нарушал его покой, даруя мне возможность прикоснуться к прошлому.

На сундуках, стоящих возле окон и на подоконниках лежали предметы быта, о которых я только читала в исторических романах. Керамика с замысловатыми узорами, медные подносы и силуэты старых ламп: — воспоминания сквозь века.

Картины на стенах.

Здесь не было места суете современного мира.

Я имею в виду того, который я оставила только что за дверью. Про двадцать первый век я уже и не вспоминаю.

В парадной комнате этого дома как раз было всё обставлено на европейский манер. Это было сделано для гостей, ведомо.

Я окрестила их *«великолепными палатами»*, построенными на образец венецианских. Вероятно, по проекту одного из иностранных архитекторов, которые вместе с русскими строителями украшали столицу произведениями церковного и просто житейского зодчества по приказу Петра I.

А вот в местах, которые были непоказные для гостей, я увидела ту старую, боярскую Москву, которую иногда показывали в фильмах.

Вздыхнув, желая уже быстрее дойти; от слабости делая вид, что всё это привычно мне, вспомнила «Отче Наш» и, наверное, что-то произнесла. Потому как нянюшка встрепенулась, и испуганно взяв меня за рукав платья, изумлённо присматриваясь к его ткани, вдруг сказала, что идти нам нужно не так, как обычно.

Путь мы держали в те комнаты, в которых когда-то любила заниматься рукоделием моя матушка.

У них окна всего на всего, на двор и находились *«оне на антресольном этаже»*.

О, как!

— А мои ...?

— Её сиятельство княгиня Наталья Васильевна отдала их своей младшей сестре, сироты они обе...

— И что?

— И мадемуазель Барбара...

— Кто?

«-Барби»?

Я в недоумении взирала на остановившуюся женщину.

— Мадемуазель Варвара, оне уже, как заселились давно. И в свет выезжать начали. Их первый сезон. Он очень важен. Партию хорошую ей пророчат, вот и предложения уже поступать начали. Красавица она. Но в Питер дамы собрались — наступления француза боятся, вас вот только ожидали. Всё про Христорожественский женский монастырь в Твери судачили, я слыхала. Будто по пути он.

Я хмуро кивнула в ответ. Женщина ещё хотела что-то сказать, однако мой шёпот остановил её.

— После всё скажешь. Веди.

Списали Женьку окончательно. Вначале в монастырь, а после и вовсе на антресоли спрятали.

К постригу, видать готовят. В Твери всё и произойдёт.

Мрачно размышляя таким образом, взойдя на второй этаж левого крыла дома, открыв ещё двери, я ступила в тёмное помещение. Тёмное оттого что тяжёлые, пыльные портьеры закрывали все окна.

— Осторожно.

Нянюшка была рядом. Немного отдёрнув пыльную ткань, глянув во двор и не увидев там ничего, кроме разросшегося куста бузины, я вдруг натолкнулась взглядом на портрет пожилого мужчины, висящий на большом крюке в простенке.

Мы с ним были похожи как две капли воды.

И это сразу бросилось в глаза. Тёмные одежды мужчины и фон были обрамлением для смуглого лица с упрямо сжатыми губами и напористого взгляда, будто говорившего мне о чём-то.

«- мой дед со стороны матушки, коль я так сильно похожа на неё, значит точно он, ведь я права?»

Мозг старался как можно больше извлечь информации из того, что видели глаза.

«- уж не его ли это дом был изначально, ведь не зря висит портрет?»

В стороне вдруг стало светлее, это помешало мне довести до конца мысль. Кто-то открыл дверь в светлое помещение. И я увидела словно светлицу в тереме.

«- Похоже, это всё когда-то было девичьими покоями».

В голове набатом стучали слова о монастыре. Тёмный платок на мне короткими, но густыми кистями спускался практически до пояса.

Становилось по-настоящему страшно.

К светлице вела крепкая деревянная лестница примерно из восьми — десяти ступеней, украшенная стариной резьбой.

Взошли.

И вот, кажется, мы стоим уже под самой крышей этого огромного дома в самом центре той самой Москвы, которую сожгут то ли по приказу Кутузова, то ли Наполеона.

«- в голубятне будто я; поймали и закрыли, как перелётную птицу».

«- но в неволе птицы не поют».

«- увы».

«- они всеми силами души стремятся на волю».

Две девушки, одетые совсем просто, пряча от меня виновато глаза заканчивали с уборкой. А я оглядывала сей терем, окна которого действительно хорошо пропускали лучи вечернего солнца.

И в этот момент я вдруг поняла, что совсем ненадолго здесь.

«- бежать надобно».

«- обратно к тому монастырю».

«- бежать и пытаться вернуться домой».

«- должен быть выход из этой жуткой ситуации».

Однако сознание, тасуя, как карты эпизоды произошедшего, подумав, что прежде нужно окрепнуть телом, решило отложить расспросы примерно на сутки.

— Искупаться бы мне с дороги и...

— Вначале трапезничать.

— Хорошо.

Понимая, что все присутствующие глаз с меня не спускают, совершенно по наитию, скромно опустив глаза, прошла в соседнюю комнатку и увидела таз на столе, покрытом скатертью, медный кувшин и большое деревянное ведро с чистой водой. А ещё лохань на полу из широких досок.

В неё хотелось залезть и мыться безостановочно, пока не появится то самое чувство, при котором дышится легче. Принялась наливать воду пока только в таз.

Совершенно не обращая внимания на тихие стенания нянюшки, сняла узкий и длинный платок с головы.

За убрус, конечно, огромное спасибо лекарке, — прикрыл он мою голову с заколками в волосах и непонятное для всех платье, прикрыл до самого пояса. Он был тёмно-синий с ещё более тёмными полосами по кайме. Не могла сказать, что сие обозначает. Но везли меня в окружении гусаров и солдат с покрытой головой как монахиню.

Может, так и нужно было?

— Не обвенчали, и убрус повязали, будто и не собираются более в свет вывозить. Будто снова к монастырской жизни готовят.

Плачущий голос женщины резанул по сознанию.

— В свет вывозить говоришь? Француз скоро в Москве будет, а вы всё про балы...

Не дождавшись ответа, решила, чтобы не молчать, вопросами повторять последнюю фразу человека, который так или иначе будет обращаться ко мне. А далее он сам всё скажет. Или всё же молчанием буду давать понять окружающим, что положение моё такое...

Мм-м.

Которое известно только мне самой.

«- сбегу, как только подвернётся случай, не дамся в монастырь».

Прикрыв дверь туалетной комнаты и оставшись наконец-то в одиночестве, приложила руки к вискам.

«- господи, мне бы только этот день отстоять правильно».

«- так вечер уже, немного осталось».

«- нужно сразу всем дать понять» ...

«- что понять, в своём ли ты уме?»

Снимая машинально платье, расстегнула на спине молнию. Освободившись от спортивного лифчика, сложила всё в укромном уголке. Спрятала под скатерть в глубинах стола.

«- та комната тёмная перед лестницей в светёлку, похоже, камин я видела в ней, сжечь всё это нужно».

«- так лето вроде, кто позволит камин зажечь?»

«- и что?»

«- сыростью несёт от всего, туманы вон с реки, да мало ли причин».

Мысли без устали вили гнездо. А тело давало сбои, колени подгибались, и фокус терялся иногда. Вспомнилась своенравная дама из турецкого сериала, которая спорила с султаном и его матушкой за покои. Она бы не позволила так с собой обращаться.

Умылась, а после залезла-таки в бадейку. Присела и встала на колени. С ведра кувшином поливала для себя сама, намыливаясь тёмным, пахнущим дёгтем, куском мыла.

Разглядывала герб на одной его стороне.

Устало гоняла мысли, слушая незнакомые голоса в комнате. Решилась и отдельно отмыла от грязи волосы. Склонившись над бадьёй и завернувшись в простыню. Вытирала их, ища взглядом расчёску. Довольна была только тем, что никто не беспокоит и воды, согретой как я понимаю жарой, много оказалось в ведре.

А после накинув длинный халат, сшитый из ткани, напоминающей лён с печатным рисунком, обернула вокруг головы прообраз полотенца.

Выглянула.

Вспомнив про своё платье и бельё двадцать первого века, крепко прикрыла дверь в комнатушку с туалетными принадлежностями, стрельнула глазами на нянюшку.

Она самозабвенно вместе с прислугой занималась широкой старой периной, совсем несурно лежащей на кровати, которая стояла в большой нише в стене.

Женщины старались втиснуть её таким образом, чтобы прикрыть тёмную поверхность перины с ещё более тёмными пятнами и распределить начинку из совсем свалывшего пера внутри как можно ровнее.

Я ощутила невыносимый запах тлена.

— Уберите её совсем.

— Да как же без перины?

Женщина в шоке смотрела на мои мокрые волосы, покрытые тканью на турецкий манер. Я перевела взгляд на гору текстиля, уложенного стопой в недрах деревянного кресла с высокой спинкой.

— Перину снесите в нижнюю комнату моих покоев.

— Нижнюю комнату?

Под таким удивительным градусом они не смотрели на этот вопрос. Не смотрели так на эту ситуацию в целом.

— Я хочу видеть залу перед лестницей в светлицу. Снимите в ней все портьеры с окон. Наведите там порядок.

— Так не велено.

— Кем? Насколько я помню, это дом моей матушки. Разве не он был оговорен в её наследии? Кто здесь повелевает так, чтобы лишить меня всех удобств?

Тишина была жуткой. Я вновь говорила наугад, следуя только своей логике и наблюдениям. Рисковала буквально всем и шла ва-банк.

Женщина бледнела. Прислуга смотрела на меня открыв рот. А после всплеснув руками, нянюшка тихо пыталась сказать мне что-то.

— После. Все разговоры после. Это для чего?

Указала взглядом на кипу из одеял, пледов и тканей.

Нянюшка стала объяснять, что чистые ткани они закрепят на манер штор к крючкам в стене и прикроют ими мою кровать.

— Ни к чему нам балдахины. Стелите всё чистыми слоями на кровать. Эти одеяла тоже. Покройте всё плотным покрывалом и будет достаточно. Не нужно перин и подушек. Главное — чистота и свежий воздух. Уберите всё, что связано со старым пером.

Постельного белья я не наблюдала. Из чего сделала вывод, что неположенное оно мне.

Метнувшись стремительно вон из комнаты, минут через пять одна из девушек привела ещё трёх. И молчаливая работа закипела.

Я вновь пошла в туалетную комнату, необходимо было убраться за собой, спрятать вещи и высушить волосы.

Солнце осторожно, совсем по-летнему шло на закат.

Трапезничали мы в совсем небольшой зале, из которой лестница вела в светёлку. Её отмыли наспех, шторы раздвинули, заложив жёсткими складками, привязали к крюкам в простенках. Протёрли окна и подоконники. Скромно обставленная, приёмная выглядела серо и невзрачно. Казалось, из неё вынесли всё ценное когда-то. Выделялась она из всех мной виденных сегодня комнат, большим портретом в простенке. Мужчина в камзоле, как я уже говорила, очень знакомый на вид, смотрел мне прямо в глаза.

Накрывала на стол статная женщина. Высокая, с большой грудью. Она и корзину со снедью принесла из кухни, и грязную воду, в которой я мылась, собралась выносить во двор. Её огромные, натруженные руки, были для меня немым укором.

— Оставить работу!

Тишина.

Развернувшись, крепостные не сводили с меня взора.

— Закройте входную дверь на засов. Трапезничать, так всем вместе. Жаль чашек маловато. Ну вот хоть пиала сойдёт.

Младшая из всех, совсем ещё девчушка вдруг подбежала к стене и склонившись над тёмным, незамеченным мною ранее сундуком, принялась открывать его крышку. Нянюшка подошла, и в её руках я заметила ключ.

— Вот посуда вашей маменьки, княжна.

Девочка присела и опустила глаза.

— Посуда...

Я в шоке смотрела на окружающий меня мир.

— В этой части дома, на антресолях, всё сложено в сундуки. Всё, что принадлежало когда-то княгине Элен. Вашей матушке.

— А вы?

Жуткая догадка осенила меня.

— И мы ваши. Только вот если вас заново в монастырь, в Тверь. То нас что в услужении к мадемуазель... Варваре определят?

И снова гнетущая тишина в мрачной комнате.

— Ну сегодня меня точно не отправят в монастырь, а завтра посмотрим. Если чистое постельное бельё есть в сундуках, то найдите самое необходимое, затопите камин, согрейте его, просушите и застелите.

На столе стали появляться приборы и тарелки.

А я всё возвращалась мысленно к теме моего предполагаемого заключения.

«- ждут наследницу игуменьи, ждут воздаяния за неё от благородного рода».

«- а родным не терпится избавиться от девушки и начать жизнь с чистого листа».

«- в чём вина бедной Эжени, как узнать?»

Мы разделили на всех кашу из горшочка и блины. Крепостные ожидали моих действий, боясь притронуться к еде.

Взяв себе кусочек отварного мяса, кашу и пиалу с молоком, вдруг поняла, что с этим всем невозможно справиться. Мысленно примерно посчитала калории, и тарелочку блинов с деревянной сметаной, сдвинула обратно в центр.

«-жирная какая».

Первая ложка каши во рту дала понять мне, что масла в ней было хоть отбавляй.

— Сюда бы Степана. Он о такой каше мечтал всю дорогу до Можайска.

— Его при кухне оставили работать. Пока.

— Мой он. И при мне должен находиться. Пусть камин топит, воду помогает выносить и охраной возле двери стоит. Из этой комнаты ни ногой.

— Монастырский он. За долги отданный хозяином.

— Значит, станет моим. Выкуплю. Без него пропала бы я в полях.

Тишина прерывалась только осторожными звуками от соприкосновения ложек к тарелкам. Девушки рассматривали меня украдкой. Но молчали, наверное, вспоминая о былом.

Глоток молока, тёплой стружкой опустился в желудок, и всё будто поплыло вокруг.

— Я спать, заканчивайте без меня.

Женщина в теле, вскочив вдруг на ноги тихо, скуля бросилась ко мне, умоляя не отдавать их молодой княгине и её сестре.

— Только генерал верхом за ворота Первопрестольной, так секут по их приказу всех провинившихся. Вот и сыночка моего...

— Ксения да погоди ты, разве не видишь, сомлела мадемуазель.

— Отставить слёзы. Завтра всё порешаем. Засов на дверях моих покоев открывать только по особой надобности. Чужих слуг и особ кроме батюшки не впускать, Степана научить всему, что я сказала. Сегодня и завтра до полудней я никого не принимаю. Все помещения моих личных покоев привести в ухоженный и обжитой вид.

— В конце этой комнаты есть лестница, она ведёт к отдельному выходу во внутренний двор и к кухне на первом этаже.

— Отлично. Вам есть чем заняться. Желательно, чтобы те люди, которые принадлежали матушке и мне, все обслуживали только это место в доме, а значит, были бы у меня всегда на глазах.

От этих слов чуть челюсть не свело. Копировала кого-то из кино, не отдавая себе отчёта в том. Однако присмотревшись к своему окружению, поняла, что на удивление всё будет исполнено.

Потому как я в своём праве.

«- нельзя следовать чужой воли, необходимо навязать им свою игру».

«- только как это сделать?»

Глянула на нянюшку призывно и поплелась в светёлку.

Засыпала на твёрдом ложе. Вместо подушки двухстороннее свёрнутое валиком одеяло из сшитых лоскутов ткани.

Под тихий шёпот нянюшки, застонав, вытягивалась на ложе, слушая о том, что тётушка из Владимира пожаловала. И как же сразу не уразумела нянюшка, да не узнала по голосу её.

Старшая сестра моей матушки — Александра Фёдоровна.

— У неё на руках имеется завещательное распоряжение. Княгиня Елена Фёдоровна, умирая, заверила грамоту о том: — уж, коль женится князь Виктор Михайлович вновь, то княжна, дочь его — Евгения Викторовна Бутенева переходит под опеку не менее благородного рода Тухачевских- Васильевых.

Александра Фёдоровна, крестила вас при рождении, мадемуазель. Сурова она, но в обиду не даст свою единственную племянницу.

— Откуда знаешь?

— Присутствовала я при этом всё, то держала вас на руках совсем ещё малюткой, то за княгиней, умирающей ухаживала. Потеряла она ребёночка, сыночка своего, и сама вслед за ним ушла на тот свет, истекая кровью.

— Сколько времени прошло, может, изменилось что?

— Что измениться могло? Разве же позабудешь то время? Вам тогда десятый год шёл. В доме порядок был. А ныне девятнадцатую зиму будем праздновать. Это только из-за новой супруги — княгини Натальи мы как вроде под её вечным гневом стали ходить. При генерале она совсем другая, а без него сердитая ходит и кричит без причины, а раньше всё иначе было.

«- девятнадцать, мне всего девятнадцать, почти пять годков скинула, попав в это время, не отпустят в самостоятельную жизнь, навяжут опеку некой пожилой тётки, или игуменьи из монастыря или мачехи».

Сквозь сон слышала, как нянюшка поднимала меня и помогала переодеться, приговаривая, что матушкины — это спальные рубашки, чистые и новые. Слышала, как стелили мне постель и плели косу. Не понимала, почему должна спать в чепчике. Но соглашалась, желая снова лечь и больше не слышать назойливые голоса и своих мыслей.

Улетала в сон, удивляясь, как за толстыми каменными стенами дома не чувствуется ночная июльская жара. И только мысль о том, что завтра будет тяжёлый день, и мне просто необходимо быть собранной по всем статьям, она не оставляла.

Не давала покоя.

В конце концов, усталость взяла своё, и вот невидимые волны окутывают всё моё существо, погружая в мир, где не существует ни забот, ни тревог. Они качают и шепчут, шепчут, набегая друг на друга, обещая, что скоро будет всё по-другому.

А к утру пришла прохлада из приоткрытого окна; захотелось укрыться не только простынёй. Захотелось того сонного уюта, которое может дать только нагретое уснувшим телом одеяло.

Чувствовала себя как после очень сложной тренировки и думала продлить чудесное состояние безмятежного сна. Помня про валик под головой, желая его использовать в качестве одеяла, сев и сонно оглянувшись, обещая самой себе, обязательно продолжить начатый сон, я вдруг столкнулась взглядом с генералом.

Он просто сидел в кресле, одиноко стоявшем посреди комнаты на вытертом ковре. Сидел, наклонившись, установив локоть на коленях; подперев ладонями подбородок.

Смотрел, не мигая на меня.

— Доброе утро, князь.

Мой голос охрип ото сна.

Подтянув простынь к подбородку и закрывшись ею полностью, ждала, понимая, что никто не придёт мне на помощь. Именно в этот момент мне придётся держать ответ за всё, что натворила его непутёвая дочь. Что натворила я, перейдя ручей и заснув в том лесу.

Ждала его вопросов, не ожидая от судьбы ничего хорошего.

Шло время.

Никто из нас так и не заговорил.

— Зачем ты стала так похожа на неё? Исхудала и стала другой? Мне будто снится этот кошмар.

Тихий хрип из преисподней. Голос, полный страдания.

— Не знаю.

— Зачем ушла в эти покои и оставила свои? Хотела сделать больно? Моя Елена, это разве ты? Она любила эти комнаты. А ты разве имеешь права делать всем больно?

— По приказу вашей супруги, батюшка, я здесь. Меня проводили именно в эту комнату по её распоряжению.

Не знала, что ещё сказать, сжимая от напряжения пальцы на заледеневших ступнях.

— Натали, она ангел. Не хочу слушать наговоры про неё.

— Не хотите слушать, не задавайте вопросов. Правда, очень часто бывает горькой.

— Не смей!

— Не кричите на меня. Вот вы как раз и не имеете такого права! Позовите бабушку, почему вы в моих комнатах?

Господи, лучше бы я этого не говорила! Он в мгновение ока оказался возле моей кровати. Жилистый мужчина, невысокий, с ума сходящий от ярости. Мне не нравился его взгляд, будто пьяный и бессмысленная улыбка жуткая. Она сама собой расплзлась по его лицу. Как нервный тик, которым он никак не управлял.

— Сними её рубашку!

Схватив ручищей за плечо в считанные секунды человек, который с тревогой ещё недавно спрашивал о моём самочувствии, он резко встряхнул моё тело, чепчик упал на пол, голова откинулась, хрустнул позвонок, волосы рассыпались по плечам.

С силой сдёрнул на пол. Не понимая происходящего, стояла перед ним как солдат на построении в той самой рубашке. Матушкиной.

«- господи, как она с ним жила»?

Чувства захватили; на краткое мгновение, поняв, что он ослабил хватку, вывернулась. Но не успела отдёрнуть руку, которую он в ярости схватил и готов был сломать сжимая. Треснула ткань, постаревшая от времени, оголяя моё тело.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.